

УДК 82"282

Портрет как один из способов
психологизации
художественного образа
персонажа (А. Ф. Писемский
«Масоны»)

Е. Л. Федорова

Юридический институт Российского
университета транспорта (РУТ-МИИТ)

E-mail: sole11@yandex.ru

Научная статья

В статье исследуются особенности поэтики психологизма в произведениях Писемского, рассмотрен и проанализирован один из способов – создание внутреннего портрета персонажа, который воплощается автором посредством описания внешности, поведения, отдельных поступков героев. Материалом исследования служит последний роман писателя «Масоны» – роман об «идеальных людях».

Творчество писателя у современников вызвало живой интерес. Первые произведения Писемского получили разные отклики, от приятия до непонимания. Они воспринимались как плод собственного внутреннего опыта Писемского, в котором художественность отступала на второй план, уступая место правде жизни. Критики и литературоведы называют его прежде всего бытописателем, фактографом, которому с удивительной точностью удавалось передавать колорит повседневной жизни. Изучение романов позволяет понять процессы, которые происходили в литературе 19 века. Писатель выделяется из магистральной линии развития прозы. Одно из определений, полученное им, – «наивный реалист». Анализ поэтики произведения позволяет расширить и углубить представление о творческой манере писателя, понять психологические приемы, использованные Писемским. Попытки преодолеть повседневность, найти новые идеалы заслуживают внимания исследователей, так как позволяют по-новому взглянуть на литературный процесс и, в частности, на авторскую психологию.

Ключевые слова: поэтика психологизма; метод; повседневность; провинция; масоны; портретная характеристика; поэтика романа; наивный реализм

Portrait as one way
psychologization of the character's
artistic image (A. F. Pisemsky
«Masons»)

E. L. Fedorova

Law Institute of Russian University of Transport
(RUT-MIIT)

Scientific article

The article examines the features of the poetics of psychology in the works of Pisemsky, considered and analyzed one of the ways – the creation of an internal portrait of the character, which is embodied by the author by describing the appearance, behavior, individual actions of the characters. The material of the study is the last novel of the writer "Masons" - a novel about "ideal people".

The writer's work aroused great interest among his contemporaries. The first works of Pisemsky received different responses, from acceptance to misunderstanding. They were perceived as the fruit of his own inner experience of Pisemsky, in which artistry receded into the background, giving way to the truth of life. Critics and literary critics called him the foremost chronicler, factography, which with remarkable accuracy managed to convey the flavour of everyday life. A study of the novels allows us to understand the processes that occur in the literature of the 19th century. The writer stands out from the main line of prose development. One of the definitions he received was "naive realist". The analysis of the poetics of the work allows to expand and deepen the idea of the writer's creative manner, to understand the psychological techniques used by Pisemsky. Attempts to overcome everyday life, to find new ideals deserve the attention of researchers, as they allow to take a fresh look at the literary process and, in particular, at the author's psychology.

Keywords: the poetics of psychologism; method; routine; province; Freemasons; portrait feature; poetics of the novel; naive realism

Во **введении** статьи хотелось бы прежде всего обратить внимание на оценку творчества А. Ф. Писемского критиками и литературоведами. Он вошел в литературу как бытописатель, фактограф, которому с удивительной точностью удавалось передавать колорит повседневной жизни. Его герои заинтересовывали, им верили, в них видели себя современники писателя. Первые произведения писателя вызвали неподдельный интерес и даже восхищение. Однако со временем на Писемского стали сыпаться упреки в плоскости образов героев, в том, что герои полностью зависимы от социальной бытовой действительности. Обвиняли его в отсутствии идеала, в неспособности подняться над пошлостью жизни.

Романы, рассказы, повести и пьесы рассматривались прежде всего с точки зрения способности автора «сказать правду» о действительности, которая его окружала. Образы расценивались часто с точки зрения передовых идей того времени. В статье Н. В. Шелгунова «Люди сороковых и шестидесятых годов» были приведены высказывания из разных журналов того времени: «Библиотека для чтения», «Современник», «Время», где ярко и неоднозначно оценивалось творчество Писемского. Так, в «Библиотеке для чтения» 1851 г. (Т. 107, отд. VI, С. 1–13) отмечается «искренность и чистота таланта» художника, с беспристрастностью воспроизводившего самые разнообразные и противоположные явления общественной жизни. Журнал «Современник» также восторженно отзывается о писателе: «...полон наблюдательности, светлый взгляд на предметы, бойкий живой язык, практический здравый смысл...» (1851, № 2, отд. III, С. 65–74). Журнал «Время» в лице Н. Н. Стрехова в статье «Несколько слов о Писемском» вместе с тем замечает, что в произведениях А. Ф. Писемского царят «...пустота, мрак, житейская грязь во всей ее серой безличности и бледном безобразии...». Его также обвиняют в отсутствии идеала, в неспособности подняться над пошлостью жизни. «Он смотрит на жизнь скептически, даже цинически, ...не приближается к жизни, не озаряет ее, а скорее отталкивает от себя и покрывает тенью...» («Время» 1861, июль, С. 17–18). Н. В. Шелгунов добавляет, что у А. Ф. Писемского «чисто внешний, рефлексивный ум, холодный.<...>Автор рисует провинциальные городки, провинциальных людей, рисует муравьев в их муравейниках...» [1, с. 40–41, 46].

П. В. Анненков в статье «Деловой роман в нашей литературе. «Тысяча душ», роман А. Ф. Писемского» отметил мастерство писателя в изображении провинции, которое отличалось «теплым колоритом, свободной и широкой кистью». В этих картинах П. В. Анненков выделял «свежесть и оригинальность», которые Писемский создавал не с помощью «дагерротипического перечисления и свода подробностей, а с помощью двух-трех крупных черт, схваченных, так сказать, на лету» [2, с. 182]. Это же можно сказать и о способе создания внутреннего героя автором. Подход – фактографа, не разделяющего в героях плохое и хорошее, верность жизненной и психологической правде.

Писемский был чутким писателем, который понимал, что при изображении внутреннего мира героев необходимо понимание характера, настроения, которые часто формируются под влиянием окружающей среды. Его герой – это герой, связанный крепкими узами с повседневностью, совершающий под ее влиянием разные поступки, и безнравственные тоже (роман «Тысяча душ»).

Исследования свидетельствуют о том, что интерес к изучению произведений Писемского не утрачен. Научный поиск сосредоточен в основном на творческой эволюции, философских, эстетических взглядах и общих вопросах поэтики Писемского, однако проблема поэтики психологизма в его романах не нашла еще достаточно полного освещения.

Таким образом, **целью** нашего исследования стало изучение одного из способов психологизации образа героя – портретирование и его реализация в позднем романе писателя «Масоны». Представляется **актуальным** изучение позднего творчества писателя, так как

Для цитирования: Федорова Е. Л. Портрет как один из способов психологизации художественного образа персонажа (А. Ф. Писемский «Масоны») // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Том 4, № 4. С. 276–281.

For citation: Fedorova E. L. Portrait as one way psychologization of the character's artistic image (A. F. Pisemsky «Masons»). *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2018; 4 (4): 276–281. (in Russ.)

этот период недостаточно изучен современниками писателя и исследователями последнего времени, существует мнение о слабости творческой манеры писателя в связи с отходом последнего от бытописательской манеры, с этим же связана утрата интереса к его произведениям. Однако попытки автора преодолеть повседневность, найти новые идеалы заслуживают внимания исследователей, так как позволяют по-новому взглянуть на творческий процесс, в частности на авторскую психологию.

М. Л. Михайлов, оценивая Писемского, говорил об авторе, как о человеке «мыслящем», «глубоко понимающем смысл жизни и ее явлений», способном не навязывать свои взгляды на события, им описываемые [3, с. 98–99]. Отсюда беспристрастность, отсутствие оценки, ирония по отношению к событиям и героям, эта манера фиксации окружающего ведет и к правде психологической, к неоднозначности и недосказанности, в которой может скрываться душевная глубина. Важно то, как именно воспринимал писатель «фигуры», лица своих героев, какие черты были для него значимы. Внимание Писемского к повседневности, к изображению «слякоти ежедневного прозябания» неслучайно. Однако основное дело писателя, по мнению того же исследователя, заключается не в изображении подробностей действительности, а в том, что на первый план он выдвинул правду психологическую [Там же. С. 157].

И. И. Иванов также отметил верность изображения внутренней жизни героев и выделил особый психологический прием, сущность которого коренится в «личных свойствах» Писемского: «Он берет всякое явление исключительно с точки зрения здравого смысла <...> старается уловить простейшую сущность факта <...> прямым путем проникает в самую глубь жизненной правды, мимо всевозможных чарующих видений и обольстительных иллюзий». Ученый увидел мастерство автора в изображении психологических деталей, но обозначил недостаточно четкое понимание самой загадки личности, души, которая часто в романах Писемского объясняется «математической формулой» [4, с. 125, 221], с опорой только на факт и здравый смысл. Так, новое возникшее чувство любви у Сусанны («Масоны»), жены идеального человека Марфина, к молодому офицеру объясняется законом природы, что на первый взгляд может вызвать недоверие в правдивости события и его объяснения. Однако неполные сведения о душевном складе Сусанны, ее внутренних переживаниях такое объяснение делают вполне допустимым и правдивым. Писемский не передает тайные движения души героев, не подвергает их всестороннему анализу, а обращается прямо к миру действий. Можно говорить о том, что в произведениях автора пересекаются и взаимопроникают правда художественная и правда жизни. Неразличение и неразделение этих правд ведет текст к отсутствию типичности, внутренней глубины характеров. Происходит своеобразная подмена. Это свойство писателя как художника проникает во все структуры романов. Однако это, на наш взгляд, не обедняет текст, а делает его по-своему уникальным, непохожим на другие и приводит к непониманию со стороны современников Писемского. Можно отметить, что все исследователи творчества Писемского говорили о самобытности авторской манеры, которая заключалась в «исключительной жизненности изображенного им быта и абсолютной неисключительности его героев» [5, с. 104].

В понимании творческого замысла важно не только знать, когда был написан, а затем и напечатан роман «Масоны», но и учитывать размышления автора, отраженные в переписке. Роман «Масоны» был задуман писателем еще в 1878 году. В письме к переводчику Дерели Писемский так описывает свое желание приступить к новому роману: «Начавшаяся уже зима у нас несколько облегчила мои недуги, что и дало мне возможность приняться за мое дело, которое я уже предначертал себе давно, но принялся за него последнее только время, а именно: написать большой роман под названием "Масон". В настоящее время их нет в России ни одного, но в моем еще детстве и даже отрочестве я лично знал их многих, из которых некоторые были весьма близкими нам родственниками; но этого знакомства, конечно, было недостаточно, чтобы приняться за роман... В настоящее время в разных наших книгохранилищах стекло множество материалов о русских масонах, бывших по преимуществу мартинистами; их ритуалы, речи, работы, сочинения... всем

этим я теперь напитываюсь и насыщаюсь, а вместе, хоть и медленно, подвигаю и самый роман мой» [6, с. 398].

Воспоминания писателя о масонах-родственниках, среди которых был и его двоюродный дядя Ю. Н. Бартенев, сыграли, конечно, в процессе создания романа свою роль, но замысел романа возник не только на основе личных воспоминаний. Об этом свидетельствует тот факт, что Писемский вплоть до 70-х годов не попытался воспользоваться в своем творчестве этими семейными преданиями и впечатлениями.

Можно предположить, что роман должен был стать итоговым, в котором отразились бы чаяния Писемского о возникновении «нового» человека, идеального представителя высшего общества. Центральный герой романа, Егор Егорыч Марфин, – участник Отечественной войны, и почти все его масонские и просто дружеские связи установились или во время войны, или вскоре после нее. Его молодость и молодость его единомышленников и друзей прошла в годы возникновения декабристского движения. В романе много говорится об истории масонства, подробно, хотя и не без иронии, описываются масонские обряды, но в центре внимания писателя не эта сторона масонского движения. В письме к В. Дерели от 25 января 1879 года он пишет: "Наши собственно масоны были мартинисты... но с вашими (то есть французскими. - М. Е.) мартинистами разлились. И вот, сколько я мог извлечь из чтения разных переписок между масонами, посланий ихних, речей, то разница эта состояла в том, что к масонскому мистическому учению последователей С. Мартена они присоединяли еще учение и правила наших аскетов, основателей нашего пустынножителства, и зато менее вдавались в мистическую сторону" [6, с. 401–402]. В масонстве Писемского привлекает прежде всего возможность духовного развития, в письме он размышляет над этим: "Время, взятое мною, весьма любопытно. Я масонов лично знал еще в моей юности и знал их, конечно, с чисто внешней стороны, а теперь, войдя в их внутренний мир, убеждаюсь, что по большей части это были весьма просвещенные и честные люди и в нравственном отношении стоявшие гораздо выше так называемых тогда волтерьянцев, которые были просто грубые развратники" [Там же. С. 409].

В романах Писемского можно наблюдать особый интерес к динамическому портрету, к описанию поступков, поведения героев, в которых наиболее активно и непосредственно выявляются особенности психики. Вместе с тем все это выражается просто и безыскусственно, что не лишается художественной значимости. Такие образы, созданные художником и воспроизводящие действительность, относятся учеными к «наивному реализму» [5, с. 80].

В последнем романе Писемского «Масоны», так же как и в более ранних романах, преобладает живописно-пластический способ портретирования. Главный герой романа подробно описан. Однако здесь, как и в «Боярщине», писатель выделяет главную особенность характера Егора Егорыча Марфина – гордость: «На барском месте в пошевнях сидел очень маленького роста мужчина, закутанный в медвежью шубу, с лицом, гордо приподнятым вверх, с голубыми глазами, тоже закинутыми к небесам, и с небольшими, торчащими, как у таракана, усиками, – точно он весь стремился упорхнуть куда-то ввысь. Лет маленькому господину было около пятидесяти» [7, с. 5]. Он гордо вошел в бальный зал, у него гордая осанка, руки на груди он складывает как Наполеон. Егора Егорыча Марфина отличает от всех остальных героев его созерцательность. Его устремленный ввысь взгляд олицетворяет идеализированность героя. Она «мешает» ему в какой-то степени видеть истинное положение вещей, намерения людей, использующих его для достижения каких-то своих личных целей. Однако нельзя сказать, что он не понимает людей, он стремится оказать помощь нуждающимся, будь это даже распутный человек и игрок – племянник Ченцов, которого он любит, несмотря на все его недостатки, он верит в его возрождение.

Писемский часто в портретах женщин отражает неестественность (Миропа Дмитриевна «Масоны», Домна Осиповна «Мещане»). Катрин Крапчик («Масоны») продолжает линию таких героинь: она имела изящный и богатый наряд, но при этом: «девица сия была как-то очень аляповата; черты лица имела грубые, с весьма заметными следами пробивающихся усов на верхней губе, и при этом еще белилась и румянилась: природный

цвет лице ее, вероятно, был еще очень черен! Впрочем, все эти недостатки ее скрашивались несколько выразительными и почти жгучими глазами и роскошными черными волосами» [7, с. 7].

Совершенно иначе представлены главные героини, три сестры Рыжовы. Все три имели ангелоподобные лица – так их видит Егор Егорыч Марфин. Людмила – мечтательное существо, Сусанна отличалась необыкновенною стыдливостью, Муза обнаруживала большую склонность и способность к музыке. Людмила имела большие, черные глаза, бархатистые и с поволокой, «вследствие которой они все словно бы где-то блуждали...» [Там же. С. 40]. Все сестры были как бы не от мира сего: «Муза вздыхала о звуках, и не о тех, которые раздавались в ее игре и игре других, а каких-то неведомых, далеких и когда-то ею слышанных. Сусанну увлекала религиозная сторона жизни: церковь, ее обряды и больше похороны <...> Людмила же вся жила в образах: еще в детстве она, по преимуществу, любила слушать страшные сказки, сидеть по целым часам у окна и смотреть на луну, следить летним днем за облаками, воображая в них фигуры гор, зверей, птиц» [Там же]. Она читалась рыцарских романов, бесконечно фантазировала и придумывала себе любовь, в мечтах представляла себе кавалерийского офицера. В портретах сестер практически отсутствует живописность, цвет, главным становится комментарий писателя, разъясняющий особенности душевного склада каждой.

Большое значение приобретает эмблема/символ, он входит в один из портретов главной героини. Так, появление Сусанны в романе происходит несколько раз вместе с веткой акации (на шляпке, в руках). Семантическое поле имени героини Сусанна (чистая) совмещается с семантическим полем – акация. Возникает дополнительный прием – символизация образа. Стоит отметить, что все женщины с трудной драматичной судьбой и непростым характером чаще всего имеют темный цвет глаз и волос (Настенька «Тысяча душ», Елена Жиглинская «В водовороте», Сусанна «Масоны», исключение – роман «Боярщина», в котором осуществлены романтические клише), если только эта красота не достигается притираниями, а также другими разными ухищрениями. Писемский в женском лице не принимает ничего искусственного, фальшивого, он старается это выставить в комическом свете. Героини, овеванные романтическим ореолом, показанные в кругу семьи, в заботах о ней, несколько возвышенные, почти всегда имеют бледное лицо, голубые глаза, белокуры. Происходит своеобразная игра света и тени: светлый – темный (страстный).

Писемский достоверно и подробно изображал в романах мимические, жестовые реакции персонажей в сложных жизненных обстоятельствах. А. И. Журавлева отметила, что «Писемский не чужд многозначности – неоднозначных оценок, поливариантности поведения героев. И вот когда в поведении и движениях героев Писемского чувствуются эти не закрытые перед действующими лицами возможности, тогда писатель наиболее интересен и как психолог» [8, с. 134]. Портрет в произведениях Писемского выполняет не только социальную функцию (отнесение персонажа к тому или иному общественно-политическому, культурному кругу), но и психологическую: по внешним чертам, выражению лица можно определить характерные особенности психического склада человека, настроение, испытываемые чувства.

Что же касается второстепенных персонажей, то некоторые образы создаются Писемским без использования традиционного подхода к портрету (Петр Михайлович Годнев «Тысяча душ», Еспер Иванович Имплев «Люди сороковых годов», Аггей Никитич Зверев «Масоны» и др.). Основными формами, раскрывающими характеры, являются диалог и описание форм поведения, образа жизни. Возникает особый тип героев, живущих праведной, душевной жизнью. Душа выражается пластически, в динамике телесных форм.

В описании других второстепенных персонажей (граф Сапега «Боярщина», князь Иван Раменский «Тысяча душ», барон Мингер «В водовороте», Петр Григорьевич Крапчик «Масоны» и др.) писатель сосредоточивает внимание на лице, одежде, вещах, которые их окружают, так как главная цель в жизни для них – приобретение, накопление и получение удовольствия. Вместе с тем показаны их поступки, поведение, большое значение приобретает психологический комментарий.

Можно сделать вывод о том, что в романах «Тысяча душ», «Люди сороковых годов», «В водовороте», «Мещане», «Масоны» Писемский отходит от традиций «натуральной школы», гоголевской эстетики портретного описания:

На первое место в поэтике психологизма выдвигаются формы поведения и авторский комментарий, который носит в себе поясняющий и морально-нравственный аспект.

- Автор стремится к разобщению портрета и характера героя, к их несовпадению.

В портретном описании он обращается к уменьшительно-ласкательным суффиксам, эмоционально-оценочным эпитетам.

- Писемский использует в создании образов героев непривычный метонимический контекст. Таким образом, метонимическая выделенность частей человеческого тела раскрывает содержательность, а также чрезвычайную выразительность особенностей рисования человека.

- В создании образов героев писатель часто прибегает к зооморфным сравнениям и метафорам поведенческого плана, что дает читателю возможность самостоятельно воспроизводить в воображении внешность героя.

- Авторская ирония, а также принцип контраста распространяется Писемским на всех персонажей, второстепенных и главных, и применяется им почти во всех романах.

- Писемский показывает сложные страсти, волнующие души героев, для этого он обращается к своему сценическому опыту, воплощая характеры героев, т. е. функциональному портрету.

В последнем романе «Масоны» он прибегает к символу в портрете (ветка акации).

Ссылки / Reference

1. Шелгунов Н. В. Люди сороковых и шестидесятых годов // Шелгунов Н. В. Литературная критика. М., 1974. С. 39–209.
2. Анненков П. В. Критические очерки. СПб., 2000. 414 с.
3. Михайлов М. Л. «Горькая судьбина». Драма в 4-х действиях А. Ф. Писемского // Писемский А. Ф. Собр. соч.: В 3 тт. М., 1958. Т. 3. 751 с.
4. Иванов И. И. А. Ф. Писемский. Критико-биографический очерк. СПб., 1898. 244 с.
5. Павлова Е. В. «Отрезвляющий реализм» А. Ф. Писемского (по материалам работ С. А. Венгерова) // Забытые и «второстепенные» критики и филологи XIX-XX веков. Материалы научной конференции «Пятые Майминские Чтения» 14–17 ноября 2004 г. Псков, 2005. С. 103–107.
6. Писемский А. Ф. Письма. М.-Л., 1936. 537 с.
7. Писемский А. Ф. Собр. соч. в 9 тт. Т. 8. Масоны. М., 1959. 606 с.
8. Журавлева А. И. Русская драма и литературный процесс XIX века. М., 1988. 198 с.